
А. В. ЛУКЪЯНОВ, Н. Ю. МАЗОВ

СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА

В настоящее время спорт приобретает настолько высокую значимость в обществе, что появляются основания считать его одним из основных видов человеческой деятельности. Однако это вовсе не означает, что спорт высших достижений (в частности, профессиональный спорт) далеко опередил развитие физической культуры и массового спорта, что социокультурная значимость последних, как считают некоторые авторы, находится на несколько порядков ниже первого¹.

Ведь идущий процесс профессионализации спорта невозможен без развития физической культуры и массового спорта. С определенной долей условности можно рассматривать спорт как символ, концентрированное выражение принципов и проблем современного общества, как области, в которой характерные для данного общества принципы равенства возможностей, достижения высоких результатов и конкуренции проявляются и применяются особенно наглядно и целенаправленно.

Необходимо отметить, что специфическим качеством индустриальной цивилизации является ориентация на материальные ценности, растет конкуренция, коммерциализация всех сфер деятельности. Вместе с тем при помощи индустриальной цивилизации сущность человеческой страсти (а спорт и есть страсть, существующая в форме состязательности) осуществляется не только во всей своей **целостности**, но и во всей своей **человечности**. Дух состязательности моделирует ситуацию человеческого самоопределения, которое осуществляется в системе «Я – Другой» или «Я – Другие». Самоопределение возможно, если «Я» сопоставляю свои показатели с показателями «Другого».

¹ См.: Воробьев, А. В. Спорт как цивилизованное явление // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса*: в 5 т. – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 4. – С. 582.

Такое сопоставление в спорте экстерииоризировано, имеет характер необходимого внешнего атрибута спортивной деятельности. Но тут есть свои сложности. Отношение человека к своим возможностям (в частности, возможности сверхнормативной активности) не похоже на безразличие, проявляемое всюду по отношению к могущим случиться с ними происшествиям. «Человек, – пишет Э. Левинас, – **отныне** брошен в среду возможностей, по отношению к которым он **отныне** ангажирован, которыми он **отныне** вовлечен, **отныне** он либо воспользовался ими, либо упустил их. Они не добавляются к его существованию извне, как акциденции»².

Возможности действительно не находятся перед человеком как готовые образы, которые он созерцает, взвешивает все *pro et contra*³. Но возможности – это **фундаментальные способы существования человека**, поскольку существовать для человека как раз и означает **воспользоваться собственными возможностями** или же упустить их.

Возможность сверхнормативной активности, как нетрудно заметить, опасна для индивида, и эта активность должна быть каким-то образом подкреплена (например наградой). Кроме того, сверхнормативная активность полезна для выживания человеческого рода в целом, хотя и вредна для отдельного человека. Но как бы то ни было, человек существует, когда раскрывает свои потенции, умеет пользоваться своими возможностями. При этом подчеркнем, что присущие индивиду потенции в процессе его деятельности постепенно «изнауряют» себя в бытии; и если индивид не обладает фундаментальной **потенцией возвращения к самому себе**, этой изначальной позицией, занятой по отношению к собственному существованию, то само основное бытие человеческого существования оказывается поставленным под вопрос.

Сам «смысл частной собственности», утверждает К. Маркс, «если ее отделить от ее отчужденности, есть **наличие существенных предметов** для человека как в виде предметов наслаждения, так и в виде предметов деятельности»⁴. Награда для спортсмена есть са-

² Левинас, Э. Избранное: Трудная свобода / пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 221.

³ За и против (лат.).

⁴ Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 146.

мый существенный предмет для него, предмет в наивысшем смысле. Ощущение духа борьбы, чувства состязательности **человечно** для спортсмена прежде всего в силу того обстоятельства, что утверждение данного **предметного чувства** другими (например болельщиками) есть также и его собственное наслаждение.

Награда, выступающая в денежном эквиваленте, есть предмет в наивысшем смысле. И дело здесь заключается не в том, чтобы жестко противостоять тенденциям прагматичной и коммерческой цивилизации, как пытался это делать Пьер де Кубертен, проявляя героизм в сфере морального усовершенствования отношений между разными народами и странами, а в том, что деньги обладают свойством все покупать, свойством присваивать все предметы и универсальность «этого их свойства есть всемогущество их сущности»⁵. Если денежное вознаграждение спортсмена носит чисто абстрактный характер, то не только прекращается всякая связь между его жизнью и жизненными средствами, но и полностью исчезает биологический смысл «механизма награды», который направлен на поддержание степени выживаемости человеческого рода. Если не будет обоснования трансцендирования или выхода человека за предел установленных норм активности, то весь человеческий род, вся его сила внутренней субъективности окажется в конечном счете как бы «сжавшейся» в одну точку.

В настоящее время растет социальная ценность спорта, заниматься этим видом деятельности становится все более престижным. Спорт начинает выступать и как способ приобщения иных стран к ценностям индустриальной и постиндустриальной цивилизаций. Меняется и тип личности спортсмена, который предстает как интернациональный тип, символизирующий достоинства цивилизации.

И все же лишь то общество способно реализовать гуманистические начала в спорте, которое ориентируется на развитие творческих потенций человека, а не на узкопрагматические интересы. Поэтому награда спортсмена должна не только **отражать** позитивный смысл индустриальной цивилизации, который заключается в ее направленности на существенные предметы для человека, но и **включать**

⁵ См.: Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 146–147.

чать в себя социально-ценностный момент, предотвращающий то «всеобщее смещение и подмену всех вещей», которые происходят в том случае, если деньги достигают стадии всемогущества.

Поэтому мы должны говорить здесь не только о спорте как цивилизационном явлении, но и как о социально-ценностной системе, выполняющей различные социальные функции: эмоциональную, социально-интегративную, политическую, биологическую, а также функции социализации и мобильности. Определение специфики спорта как социально-ценностной системы, наряду с перечислением его функций, предполагает и методику, направленную на выявление более заметных признаков спорта. Специфические характеристики спорта позволяют выделить шесть таких признаков: обращенность к миру, то есть земной, светский характер спорта; равенство шансов и возможностей для всех, занимающихся спортом; ролевая специализация; бюрократизация; ориентация на количественные показатели и критерии; стремление к рекордам. Результаты наших исследований подтверждают, что исследование функций и признаков спорта позволяет более наглядно представить весь комплекс спортивной деятельности, чем если мы будем отталкиваться от абстрактных дефиниций.

В этом контексте возникает задача определения не только функций и признаков спорта, который функционирует в обществе как **целостная социально-ценностная система**, но и границ сферы его компетенции, что часто при абсолютизации данной сферы приводит к обособлению спортивной деятельности от всей прочей деятельности человека вообще. Сам по себе двигательный процесс, чисто физическую деятельность еще нельзя назвать спортом. Двигательные действия, взятые сами по себе, не несут никакого смысла. С обретением смысла движения человека могут стать танцем. При этом необходима темпоритмовая организация движений. Смысл есть идея, передаваемая языком движения.

Танец, как мы полагаем, возможен на стыке бытия и небытия. Танец находится вне границ форм танцевальных движений. Это иное состояние сознания, выход за границы «здесь» и «теперь», трансцендентальная экзистенция бытия культуры. Танец бытийствует лишь в момент его исполнения. Мысли, чувства, эмоции, а в отдельных случаях и действия, порождаемые таким движением,

есть значение. Более важное значение в спортивном танце имеет ситуационно обусловленное значение действия, которое им придает исполнитель танца.

Поэтому спорт как социально-ценностная система представляет собой такую сферу деятельности, которая конституируется только благодаря приданию определенным физическим действиям таких значений. Вопрос о том, можно ли определить то или иное действие как спортивное, зависит от обусловленного конкретной специфической ситуацией значения, придаваемого этим действиям, значения, являющегося результатом определенной мыслительной конструкции, системы определенных представлений.

Таким образом, что именно представляет собой спорт как социально-ценностная система, задают те интерпретации, которые получают определенные действия, и те значения, которые в них вкладываются. Спорт представляет собой не просто явление, данное в реальности, а рефлексивно конструируемое, которое можно определить как самостоятельную форму взаимодействия, отличающуюся по своему строению, реализации и оценке от повседневных бытовых интенциональных действий.

Еще одну возможность определения сущности спорта как социально-ценностной системы предлагает социально-философская интерпретация, которая, опираясь на процессы дифференциации, особенно на резко бросающуюся в глаза негомогенность современного спорта, выделяет четыре «модели спорта». Критериями разграничения здесь выступают различные сочетания переменных величин, определяющих структуру этих моделей, влияющих на процесс их формирования и сопутствующих им.

1. Первой является так называемая экспрессивная модель спорта как социально-ценностной системы, для которой характерны такие нормативные показатели, как «удовольствие», «радость», «коллективные действия» и т. д.

2. Следующей является модель спорта, ориентированная на соревнование, – «соревновательная модель», для которой наивысшими ценностями выступают соревнование, достижение, победа и т. д. Если «экспрессивная модель» до известной степени развивается как противовес повседневной действительности, противостоя ей, то в модели, ориентированной на соревнование, отражаются ценностные нормы, определяющие повседневный быт людей.

3. Наряду с названными выделим и «коммерческую модель» спорта, согласно которой спорт представляет собой своего рода шоу, зрелище. Спортивные зрелищные мероприятия за последние десятилетия претерпели бурное развитие и настолько глубоко вошли в общественную жизнь, что социально-ценностная система спорта уже не мыслится без них. Не только периодически устраиваемые крупные международные соревнования (например, Олимпийские игры, футбольные чемпионаты и др.) оказывают сильнейшее психологическое влияние, привлекая миллионы и миллиарды людей, но и значительно более скромные по своим масштабам национальные соревнования вызывают огромный интерес общества. Большой спорт, к тому же умело рекламируемый средствами массовой информации, для большинства людей стал постоянным ценностно-значимым спутником жизни.

4. Все ценности выводятся людьми из реальных условий их жизни. Функциональные свойства предметов раскрываются и назначаются субъектом в процессе практического использования предмета. В этом контексте существует функциональная модель спорта, подчеркивающая инструментальный характер спорта и спортивной деятельности.

«Соревновательная модель» сегодня доминирует в спорте как в социально-ценностной системе. Социальная философия как научная дисциплина, занимающаяся вопросами спорта, рассматривает проблему спортивных достижений в контексте с проблемой достижения успеха в обществе.

Исследование последней проблемы позволяет констатировать два момента. Во-первых, исследователи этой проблемы сходятся между собой в том, что понятие «достижение» не имеет четкого определения и может быть интерпретировано по-разному. Во-вторых, нечеткости и расплывчатости понятия «достижение» соответствует недостаточное изучение самой спортивной деятельности, направленной на достижение рекордов, получение высоких спортивных результатов.

Идея «достижения» в настоящее время возведена в один из основополагающих принципов общественной жизни. Стремиться к успеху любой ценой – это одна из современных тенденций, заимствованная из спорта как социально-ценностной системы. Стремле-

ние к успеху связано с выбором целей и путей их достижения. Жизненный успех – это одна из тех трудно операционализируемых категорий, что связаны с обращением к мировоззренческим аспектам жизни человека (его смысла жизни, счастья, ценности, жизненного проекта и т. д.). Достижение успеха можно представить как достижение определенными средствами определенного результата, выступающего одновременно и целью. При этом направленность личности на успех зависит не только от характера потребностей, но и от самого уровня притязаний.

Индивидуальное достижение может стать социальным фактором только тогда, когда оно социализировано, общественно закреплено, ценностно поддержано, то есть получило оценку, признание, оказалось отмеченным обществом. Успех должен быть признан другими, обрести общественную поддержку, одобрение. Он определяется через механизм социального сравнения с другими «Я», добивающимися успеха (этими другими могут выступать конкуренты, друзья, знакомые, соседи и т. д.).

Однако было бы преувеличением говорить о том, что достижение и успех являются типичными признаками современного очень сложного по своей структуре общества. Такие категории социально-ценностной системы спорта, как соревнование, конкуренция, стремление к рекордам, принцип возможностей, объективная оценка и лежащий в ее основе количественный критерий, стали типичными отличительными чертами современного общественного бытия.

Одной из важнейших, хотя и не единственной задачей социальной философии спорта должно явиться описание и объяснение достижения успеха как характерного признака человеческой природы, так как в царстве животных о спорте говорить трудно. Некаатегоричность данного вывода обоснована исследованием игры у животных. С. Миллер анализирует не только «социальные игры у птиц, у молодых млекопитающих, игры обезьян, но и сам характер спонтанной деятельности обучаемых животных»⁶. Например, директор Базельского зоологического сада сообщает, что медведь во время перерыва между тренировками перед представлениями ка-

⁶ См.: Миллер, С. Психология игры. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 66–117.

тался на своем мотороллере несколько кругов без всякой иной причины, просто ради самого интереса к данному виду деятельности⁷.

Поскольку достижение успеха, одержание победы явно принадлежат к основным чертам человеческой природы так же, как деятельность и мышление, можно утверждать, что социальная философия является той дисциплиной, в рамках которой изучаются проблемы достижений, ценностей современного большого спорта, противоречия между свободой и принуждением, этические проблемы (например феномен допинга) и др.

Вопрос о том, в какой степени действующий в современном спорте принцип достижений может выступить «символом» или «моделью» общества достижений, представляет собой сложную многоаспектную проблему. Если бы это общество было подлинным обществом достижений, обществом, всецело ориентированным на достижение успеха, то в таком случае статус отдельной личности определялся бы исключительно ее индивидуальными достижениями, а принцип достижения успеха стал бы принципом распределения социальных благ в обществе. Но утверждать подобное означало бы игнорировать все те препятствия, с которыми сталкивается осуществление принципа достижения успеха: половая принадлежность, сильное социальное и экономическое расслоение, принадлежность к социальной группе, принцип старшинства и др.

Таким образом, социально-философский анализ спорта предполагает анализ спортивных достижений с позиций, связывающих это явление с принципами достижения успеха, господствующими в обществе. В этой связи необходима парадигма, учитывающая индивидуальные и социальные, экономические и культурные критерии в оценке спортивных достижений.

Экспрессивная, коммерческая и функциональная модели спорта также характеризуют его как *социально-ценностную систему*. При этом, по большому счету, все эти модели связаны между собой. Так, достижение успеха, как правило, сопровождается радостью, и трудно вообще вести речь о соревновании, если в нем отсутствует всякий зрелищный момент.

Зрелище, как известно, в древнем мире, в первобытном обществе, как и искусство, было одним из элементов сакрального бытия,

⁷ См.: Hediger, H. Wild animals in captivity. – Butterworth, 1950. – P. 1–19.

магического и религиозного ритуала. Такое значение имели и древние спортивные состязания. У ацтеков сакральное значение имела игра в мяч. Только позднее зрелище делается элементом искусства и далее все более социализируется, используется богатыми людьми и государственной властью в своих целях. Уже всякий ритуал – и чиновный, и светский – обязан быть красочным зрелищем; он наполняется символикой, начинает служить и иным, кроме развлечения, целям. Пышные и величественные постройки, ритуалы, игры становятся неотъемлемой частью античного быта, отделяют устроителей развлечений, вельмож, чиновников от толпы зрителей, спланивают (с другой стороны) эту толпу в одного тысячеголового зрителя, становятся важным элементом жизни, слишком тяжелой и серой для массы людей без этого разноцветья форм, красок и действий.

Зрелищный характер спортивных состязаний позволяет несколько скрасить жизнь людей, среди которых есть немало тех, кто не рассматривает успех, победу как основной смысл своей жизни, своей деятельности. Ведь и в храме науки есть разные люди. «Некоторые занимаются наукой, – замечает А. Эйнштейн, – с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях»⁸. Если изгнать эти категории лиц из научного храма, то в нем останется немного. Плюс ко всему решение об изгнании все же является горьким, поскольку именно эти категории построили значительную и, вполне возможно, наибольшую часть науки.

Если посмотреть на оставшихся в храме, то это люди в основном замкнутые, уединенные, странные. Что привело их в храм? «Как и Шопенгауэр, – продолжает А. Эйнштейн, – я прежде всего думаю, что одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, – это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей»⁹. Ведь и в большом спорте есть

⁸ Эйнштейн, А. Собр. науч. трудов: в 4 т. – М.: Наука, 1967. – Т. IV. – С. 39.

⁹ Там же. – С. 39–40.

разные люди. Здесь нельзя исключить разные факторы и обстоятельства. И в спорте есть те, кто занимается ради удовлетворения честолюбия, то есть превращает спорт как культурное, гуманитарное явление в спорт, где важна прежде всего победа любой ценой. И все же в большом спорте важны честность, порядочность, доброжелательность, уважение к сопернику. «Весьма показателен в этом отношении благородный поступок на Олимпийских играх в Афинах (2004 г.) нашего гимнаста А. Немова, который в условиях несправедливого судейства, вызвавшего бурю возмущения у зрителей, проявил уважение к своему сопернику – американцу П. Хэмму. Он погасил реакцию зала, с тем чтобы дать возможность выступить П. Хэмму, который в ожидании своего выхода мог потерять спортивную форму»¹⁰.

Ведущая роль в Олимпийских играх не столько победы, сколько участия определяется степенью их масштабности, зрелищности, которая составляет неотъемлемый элемент спорта как социально-ценностной системы.

Искусство доходит до масс в несколько утрированном, искаженном, «смеховом» виде именно через разного рода зрелища, ритуалы, празднества и балаганы (День дураков в Древнем мире, средневековые карнавалы и т. п.). Известный античный афоризм «Хлеба и зрелищ!» указывает нам на две вещи. Во-первых, на важность для жизни массы зрелищ, которые ценятся наряду с хлебом, становясь для обывателя чем-то вроде «пищи духовной» (суррогатом, заменителем истинных духовных впечатлений, выразителем, символом временного освобождения людей от тягот и забот будничной жизни). Зрелище ощущалось античным человеком как своеобразное слияние с природой. Будучи социальным явлением, зрелище мыслилось и ощущалось как часть самой природы, укоренившейся таким образом в социальной действительности.

Во-вторых, в античном афоризме понятие «хлеб» стоит все же на первом месте. Это отражает тот факт, что зрелища прежде всего годятся для сытых, достаточно материально обеспеченных людей. Разумеется, у простолюдины были свои резоны радоваться зрели-

¹⁰ Бугреев, А. Н. Главное в Олимпийских играх не победа, а участие: суждения, оценки, проблемы // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т.* – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 5. – С. 579.

щам, более того, зрелище объединяло его и вельможу в одну категорию зрителей. Все же обеспеченный обыватель был более заинтересован в зрелищах, чем простолюдин-труженик. Сытая жизнь часто оборачивается скукой монотонного бытия. Отсюда жажда развлечений, желание богатого человека заполнить свое пустое время разного рода удовольствиями, постараться хотя бы на время пробудить свои дрехлюющие, угасающие чувства.

Первая обязанность спорта как разновидности зрелищного искусства:

1) занять, развлечь, отвлечь человека от скуки буден. Зрелище наполняет впечатлениями, переживаниями, красочными образами сознание индивида.

2) Поскольку зрелищное искусство имеет публичный характер, то отношение к нему множества зрителей повышает тонус эмоционального восприятия и зрителя-индивида. Возникает эффект соучастия в действии.

3) Идеология использует зрелищное искусство в своих целях: то как успокаивающий и отвлекающий от насущных вопросов жизни маневр, то как агитацию через образность тех или иных идей, то как средство формирования у масс определенных вкусов, потребностей, привычек, особенностей сознания, то в целях упрочения авторитета устроителей зрелищ и государственной власти.

Были времена, когда характер зрелищ соответствовал степени деградации, аморальности власти и общества (оргии при дворе Нерона и Калигулы и т. п.). Что до архитектуры, то она вплоть до Нового времени имела значение «застывшего в камне зрелища».

Необходимо заметить, что любое зрелище предписывает человеку определенный поведенческий статус. Например, устроители религиозных, политических, спортивных и иных зрелищ за счет целого ряда зрелищных эффектов, упрощая решение художественных задач, достигали немедленного отклика. Зачастую это оправдывалось и до сих пор оправдывается принципом демократизации искусства.

Рассмотрение социально-ценностной структуры на личностном уровне в контексте поставленной проблемы предполагает анализ спорта как социально значимой, ценностной системы.

Ценности, которые можно выделить в структуре личности, есть спорт и здоровый образ жизни: они выступают как личностные

ценности и определяют целенаправленную деятельность личности, ориентированной на эти ценности. Мотивация спортивной деятельности исходит не от абстрактных социальных ценностей, а от личностных ценностей индивидов: лишь приняв форму личностной ценности, ценностный идеал может отыскать путь к предметному воплощению. М. М. Бахтин в этом плане отмечает, что «...всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»¹¹. Тот факт, что историческое человечество признает ценностью для индивида, не причастного к этой ценности своей жизнью, – «пустой звук». «Но я единственный должен стать в определенное эмоционально-волевое отношение к историческому человечеству, я должен утвердить его как действительно ценное для меня, этим самым станет для меня ценным и все для него ценное»¹².

Проблема соотношения личностных ценностей, составляющих «мотивационный остов человеческого поведения»¹³, с одной стороны, и потребностями и мотивами – с другой уже рассматривалась философами, социологами, психологами¹⁴.

Потребности представляют в структуре мотивации актуальный жизненный мир субъекта; они динамичны, их иерархия постепенно меняется в зависимости от текущего состояния жизненных отношений субъекта¹⁵.

¹¹ Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985 гг. – М.: Наука, 1986. – С. 108–109.

¹² Там же. – С. 117.

¹³ Соколов, Э. В. Культура и личность. – Л.: Наука, 1972. – С. 91.

¹⁴ См.: Соколов, Э. В. Культура и личность. – Л.: Наука, 1972; Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985 гг. – М.: Наука, 1986; Богомолов, А. С. Опредмечивание, ценности и социологическое познание // Социологические исследования. – 1975. – Вып. 2. – С. 106–114; Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения (1911 г.) // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114; Жуков, Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. – М.: Наука, 1976. – С. 254–277; Иванько, Л. И. Ценностно-нормативные механизмы регуляции // Культурная деятельность: опыт социологического исследования / отв. ред. Л. Н. Коган. – М.: Наука, 1981. – С. 149–187.

¹⁵ Леонтьев, Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. – 1992. – Т. 12.2. – С. 107–117; Он же. Системно-смысловая природа и функции мотива // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. – 1993. – № 2. – С. 73–82; Московичи, С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–95; Насиновская, Е. Е. Методы изучения мотивации личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Личностные же ценности в настоящем исследовании выступают как ценности спорта; они характеризуют внутренний мир личности, являясь выразителем стабильного, абсолютного, неизменного. Формируясь, как и потребности, в индивидуальном опыте субъекта, личностные ценности спорта отражают, однако, не столько динамические аспекты самого индивидуального опыта, сколько инвариантные аспекты социального и общественного опыта, присвоенного индивидом.

Личностные ценности спорта, как и ценности социальные, ориентированные на здоровый образ жизни, существуют в форме идеалов.

«Идеал – это мысленный образец совершенства, норма, к которой следует стремиться как к конечной цели деятельности»¹⁶. При этом в отличие от социальных ценностей, которые осознаются субъектом как общественные идеалы, которые могут и не оказывать никакого влияния на его деятельность, личностные ценности – *это идеалы, задающие конкретные ориентиры индивидуальной деятельности данного конкретного субъекта*. Хотя они, как правило, и отличаются сравнительно высокой осознанностью, эта осознанность, тем не менее, не является необходимым признаком личностной ценности. Сам человек «может вообще не осознавать, осуществляет ли он ценностное отношение к действительности (в частности, к спорту) и если да, то какое. Действенная же сила ценностного отношения от этого не потеряется»¹⁷. Однако для характеристики формы существования личностных ценностей вместо слова «идеал» Н. А. Бернштейном введено понятие «модель потребного будущего»¹⁸. Данным понятием обозначен тот факт, что человеческий мозг отражает не только события настоящего и прошлого, но и ситуацию предстоящего, причем последнее существует в двух различных формах – вероятностного прогноза и программирования потребного будущего¹⁹.

Как известно, существует два подхода к понятию воспитания – в широком и узком смысле. Воспитание в его широкой версии ут-

¹⁶ Яценко, А. И. Целеполагание и идеалы. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 153.

¹⁷ Донцов, А. И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. – 1974. – № 5. – С. 67–76.

¹⁸ Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966.

¹⁹ См.: Там же. – С. 281, 308.

верждает, что помимо людей воспитывать могут обстоятельства, дела и вещи. Наряду с широким пониманием воспитания выделим и узкую интерпретацию этого понятия, благодаря которой воспитание рассматривается главным образом в рамках межличностных, интерперсональных отношений между воспитателем и воспитанником. Оба эти представления являются частью реальности спорта как социально-ценностной системы. При этом можно выделить два основных условия, которые определяют возможность целенаправленного развития – это личность и социальная среда. Важнейшими признаками и функциями, определяющими структуру и масштаб личности, следует считать способность к самоконтролю и самооценке, наблюдательность, восприимчивость, затем качества, характеризующие личность в эмоциональном, когнитивном, мотивационном, социальном, психическом, моторном и физическом-соматическом планах; в то же время к числу важных факторов можно отнести и факторы, связанные с социальной средой, – семья, учебное заведение, досуг, спортивная политика, репутация большого спорта в глазах населения, а также, что в наше время совершенно очевидно, экономические условия.

Наряду с воспитанием и образованием следует остановиться и на особенностях развития спорта как социально-ценностной системы, определяющей возможности личностного и индивидуального развития. Можно предложить в этом плане следующие критерии социально-педагогических оценок развития личности в социально-ценностной системе спорта:

- спортивные тренировки должны быть достаточно разнообразными, так чтобы развитие физических способностей стало всеобъемлющим; тренировки не должны быть связаны с риском для здоровья (часто в погоне за спортивным результатом гипертрофированно развиваются отдельные мышечные группы и физические качества в ущерб всему организму);

- тренировки и соревнования в профессиональных видах спорта должны проходить в атмосфере доброжелательности и коммуникативности, чтобы учащиеся ощущали любовь к себе и чувствовали себя в безопасности. При этом сфера профессионального спорта не должна превращаться в отдельный, замкнутый, живущий по своим законам мир, пренебрежительно относящийся к людям, не связанным с большим спортом;

- успехи в спорте не должны повлечь за собой манкирования учебными заведениями или ухода из учебного заведения;

- спорт должен оставаться для учащихся одной из главных сфер, где они занимаются в свободное время, принося им те же плюсы, за которые они ценят разумно проведенный досуг. Спорт не должен вытеснять все прочие интересы, связанные с досугом.

Насколько может быть велик разброс мнений относительно большого спорта, можно видеть хотя бы из того факта, что существуют две полярно противоположные точки зрения.

Противники большого спорта, считающие его антигуманной социально-ценностной системой, рисуют образ мрачного профессионала, некоего запрограммированного на рекорды робота, безжалостно подвергающегося психологической и физической эксплуатации, своего рода мускульной машины, лишенной всякой самостоятельности. Этим роботом можно манипулировать, и он воплощает собой символ общества, живущего по законам рынка. Здесь краеугольным камнем является проблема «отчуждения». Спортсмен часто утрачивает свое собственное «Я» и становится жертвой требований, предъявляемых ему обществом, государством, в силу чего он лишается возможности свободного самовыражения. При этом само понятие «отчуждение» иногда трактуется односторонне. В гегелевской философии образования, изложенной в «Феноменологии духа», отчуждение выступает конституирующим моментом образования. Гегель характеризует образование как приход к себе в другом, как выход субъекта образования за собственные рамки, как выход из самого себя в чужое другое. Иными словами, без отчуждения процесса образования не существует. Отчуждение при этом оправдывается как явление, необходимое для прохождения индивидуумом курса образования.

Однако следует отметить, что, согласно Гегелю, субъективность предстает в ее деятельной сущности, внутренней активности и процессуальности как «интерсубъективная» деятельность, разворачивающая себя в культуре и истории. Образовывающая себя субъективность становится, таким образом, всеобщностью высшего рода, конкретным бытием всеобщего. Единичность **«в такой же мере есть всеобщее** и потому спокойно и непосредственно сливается с **имеющимся налицо** всеобщим, с нравами, обычаями...»²⁰ и, можно добавить, с языком, традициями, культурой в целом.

²⁰ См.: Гегель, Г. В. Ф. Соч. – М.; Л., 1935. – Т. IV. – С. 163.

Сущность образования состоит в превращении человека в духовное существо. Требование всеобщности реализуется в практическом образовании как умение отвлечься от самого себя, дистанцироваться от непосредственных личных влечений, частных интересов, увидеть и понять то общее, которым в этом случае определяется особенное. Итак, совершаемый в образовании подъем ко всеобщему есть подъем над самим собой, над своей природной сущностью в сферу духа. Но в то же время мир, в который «врастает» индивид, – это реальный мир; он образуется культурой и прежде всего языком, системой ценностей и смыслов, а также повседневностью, опирающейся на обычаи, традиции, обыденное сознание в целом²¹.

Спорт, если к нему подходить как к фактору формирования культуры, предпосылке формирования творческой личности, как к элементу культуры, изменяет всю сферу чувственного познания индивида в целом, что в конечном счете приводит к новому смыслополаганию и пониманию действительности.

Позиция критики большого спорта рассматривает и проблему образа человека. Если спортсмен тренируется как мускульная машина, выполняющая социальный заказ общества, то подобные характеристики связаны с образом человека, главной чертой которого представляется «ложное развитие», приводящее его к превращению в робота – образ, ни в коем случае не могущий служить примером для подражания. Такие характеристики не могут формировать конструктивные образы, на которые можно равняться.

Резким контрастом выступает позиция, характеризующая спорт как такую социально-ценностную систему, которая создает образ спортсмена, для которого спортивное достижение есть прежде всего действие, совершаемое и переживаемое как акт самосозидания, в результате чего он обладает неоспоримой ценностью в плане формирования и развития личности, позитивной социальной роли и самооценки.

Разногласия в оценках и мнениях свидетельствуют о том, что спорт как социально-ценностная система приобретает двойственный характер: с одной стороны, он должен создавать образы чело-

²¹ См.: Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 230.

века (спортсмена), как уже существующие в действительности, так и идеальные, а с другой – проверять, в какой степени такие образы могут стимулировать теоретические исследования в области образования.

Социально-философский анализ спорта как социально-ценностной системы позволяет выработать комплекс принципов и норм, регламентирующих педагогически оправданную практику большого спорта. Обязательным критерием оценки при этом выступает для этой системы самостоятельность спортсмена в его действиях. Эта норма позволяет наметить границы педагогического вмешательства в большой спорт. Тем самым мы подходим к практическому аспекту проблемы гуманизации всей системы образования.

Уровень человеческого понимания ценностей спорта и физической культуры находится в диалектической взаимосвязи с человеческими потребностями, интересами и позициями. Анализируя содержание и качество потребностей, рациональных и эмоциональных причин их возникновения, можно понять, почему люди направляются к действительным или иллюзорным ценностям, почему ценности дифференцируются, создаются системы и иерархии ценностей²².

Итак, можно вести речь о трех аспектах функционирования спорта как социально-ценностной системы: социальные идеалы, предметно-воплощенные ценности и личностные ценности. В аксиологическом ключе человек может быть рассмотрен также в трех ипостасях – как производитель ценностей, как субъект оценки и как ценность. Нам представляется, что аксиологическая «тройственность» человека, общий принцип интеграции трех названных ипостасей еще не нашли надлежащего отражения в литературе. Фактически многие кардинальные вопросы общей теории ценностей являются дискуссионными. Однако новое состояние социума, новые общественные реалии требуют новых подходов. Однако новое состояние социума, новые общественные и культурные реалии требуют новых подходов рефлексии, которая сама выступает сегодня основополагающей ценностью.

²² См.: Анисимов, А. Ф. Ценности реальные и мнимые. – М., 1970.